

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской академии наук

АЛЕКСАНДР БЛОК

Исследования и материалы

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПУШКИНСКИЙ ДОМ»
Санкт-Петербург
2020

УДК 882(092)Блок
ББК Ш5(2=Р)5-4Блок А.А.
Б70

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований (РФФИ),
проект № 20-112-00060, не подлежит продаже.

Редакционная коллегия:

Е. И. Гончарова,
Н. Ю. Грякалова (ответственный редактор),
А. В. Лавров

Рецензенты:

канд. филол. наук Т. В. Мисникевич,
канд. филол. наук Е. В. Глухова

Александр Блок: Исследования и материалы / отв. ред. Н. Ю. Грякалова. —
Б70 СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2020. — [Т. 6]. — 464 с. : ил.

ISBN 978-5-91476-116-2

В очередном выпуске коллективного труда «Александр Блок. Исследования и материалы» представлены исследования, освещающие мотивно-тематические аспекты лирики крупнейшего поэта-символиста, текстологические и эдиционные проблемы разработки и репрезентации его наследия, вводящие в научный оборот неизвестные ранее биографические факты. Специальная подборка статей посвящена 100-летию написания поэмы «Двенадцать». Значительное внимание уделено такому важному источниковедческому ресурсу, как пометы и маргиналии Блока на книгах из его библиотеки, хранящейся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом). Традиционный для данного издания раздел «Публикации» знакомит читателя с новыми архивными материалами.

УДК 882(092)Блок
ББК Ш5(2=Р)5-4Блок А.А.

ISBN 978-5-91476-116-2

© Коллектив авторов, 2020
© Издательство «Пушкинский Дом», 2020

Рассказ Бориса Зайцева «Вечер Блока»: образ поэта в контексте эпохи

*Републикация, вступительная статья и примечания
А. М. Любомудрова*

История взаимного восприятия двух ярких представителей Серебряного века — Александра Блока и Бориса Зайцева — противоречива и неоднозначна. Начиналась она вполне безоблачно, а завершилась самыми, пожалуй, пессимистическими мемуарами Зайцева о покойном к тому времени поэте. Новую страницу в истории этих отношений и их поздней рецепции открывает обращение к рассказу Бориса Зайцева «Вечер Блока», опубликованному в нью-йоркской газете «Новое русское слово» в 1977 г. и практически неизвестному российскому читателю.

Напомним точки пересечения творческих путей двух литераторов. Еще до личного знакомства с Блоком Зайцев в обзоре, касающемся новых тенденций в литературе, дал оценку стихотворению «Осенняя воля» («Выхожу я в путь, открытый взорам...»), опубликованному в сборнике «Факелы» (1906. Кн. 1): «У Ал. Блока прекрасная „Осенняя воля“ — она говорит об осени, Руси, „нищем, распеваящем псалмы“ и чрезвычайно трогательна. Очевидно, старый Господь Бог дал поэту почувствовать обыкновенную серую русскую вещь ужасно по-глубокому и по-настоящему; оттого так близок сердцу „твой узорный, твой цветной рукав“ и „желтой глины скудные пласты“. Это подходит к чему-то исконно-народному, находящемуся на бесконечной глубине в резервуаре его духа...»¹ Сборник «Факелы» Зайцев рецензировал, скорее всего, по просьбе своего друга Г. Чулкова, инициатора и редактора данного издания.

---

¹ Зайцев Б. Заметки о художестве. 2. Новый реализм и сборник «Факелы» // Зори. 1906. № 9—10, 17 апр. С. 14. То же: Зайцев Б. К. Собр. соч. : в 11 т. М., 1999—2001. Т. 9. С. 24.

Известны и блоковские оценки ранних произведений Бориса Зайцева. В записной книжке 9 июня 1907 г. поэт сделал пометку: «Зайцев остается еще пока приготавливающим фон — матовые видения, а когда на солнце — так прозрачные. Если он действительно творец нового реализма, то пусть он разошьет по этому фону пестроту свою» (ЗК, с. 94). Знаменитый уже поэт благосклонно отнесся к начинающему прозаику и с похвалой отозвался о его первой книге в статьях «О реалистах» и «Литературные итоги 1907 года»: «Есть среди „реалистов“ молодой писатель, который намеками, еще отдаленными пока, являет живую, весеннюю землю, играющую кровь и летучий воздух. Это — Борис Зайцев. Единственную пока книжку его рассказов можно рассматривать как вступление к чему-то большому и яркому» (7, 58); «Борис Зайцев открывает все те же пленительные страны своего лирического сознания: тихие и прозрачные» (7, 119); здесь же Блок отметил, впрочем, повторяемость мотивов и интонации.

Очное знакомство состоялось в Северной столице. «Я встретил Блока в первый раз весной 1907 года в Петербурге, на собрании „Шиповника“, — вспоминал Зайцев. — Он мне понравился. Высокий лоб, слегка вьющиеся волосы, прозрачные, холодноватые глаза и общий облик — юноши, пажа, поэта — все показалось хорошо»². Многие писатели входили в петербургскую модернистскую среду благодаря Г. Чулкову, и Борис Зайцев не был исключением. Тому свидетельством его собственное признание: «Мы ездили иногда с женой из Москвы, где жили, в Петербург, по литературным делам. Друг наш, Георгий Чулков, основатель „мистического анархизма“, вводил нас в петербургский литературный круг самой новейшей, сильно выдвигавшейся на смену прежней интеллигенции»³. В частности, в июле 1908 г. Зайцев жил в квартире Чулкова на Малой Невке, куда заходил Блок, а друзья, в свою очередь, бывали в гостях у поэта.

Зайцев был редактором первых трех выпусков литературно-художественного альманаха «Шиповник»; среди тех, к кому он обращался с просьбой прислать материалы, был и Блок. Во второй книге «Шиповника» (1907) был опубликован его цикл из четырех стихотворений под заглавием «Н. Н. Волоховой».

Сохранилось письмо Зайцева Блоку от 4 октября 1907 г.:

² Зайцев Б. К. Победенный // Зайцев Б. К. Собр. соч. : в 11 т. Т. 6. С. 161.

³ Зайцев Б. К. Памяти Мережковского: 100 лет // Там же. С. 339.

Многоуважаемый Александр Александрович,
если у Вас есть стихи, то может быть Вы будете так добры, дадите нам для III альманаха, составляющегося сейчас, — стихов (строк на 30).

Искренно уважающий

Бор. Зайцев

Р. S. Благоволите направить в «Шиповник»⁴.

Блок откликнулся на просьбу: в третьей книжке альманаха (1908) были напечатаны его стихи «В этот серый летний вечер...» и «Девушке» («Ты перед ним, что стебель гибкий...»)⁵.

К личности Блока Борис Зайцев неоднократно обращался в воспоминаниях и очерках. Самым известным стал очерк «Побежденный», опубликованный в 25-м томе «Современных записок» (Париж, 1925). Спустя шесть лет появился текст «Александр Блок (к десятилетию смерти — из воспоминаний)» (Возрождение. 1931. 13 авг.)⁶. Он представлял собой переработанный вариант очерка «Побежденный». Впоследствии в мемуарную книгу «Далекое» (Вашингтон, 1965) Зайцев включил текст первой публикации.

В этом очерке размышления о творчестве Блока обрамлены описаниями первых и последних встреч с поэтом. Согласно концепции писателя, Блок в конце своего пути предстал как «человек, из которого ушло живое». Ему не хватало «любви... и воздуха». Его охватывали «тьма, пустота», и в конце концов он оказался «побежден» той мрачной стихией, которая проникла в его душу. Духовную мертвенность находит Зайцев и в поэме «Двенадцать», разговор о которой занимает центральное место в очерке. Поэму он определяет как демоническую, созданную в состоянии «прелести»: «...получилось то двусмысленное, путаное, мрачное, немалое и жуткое, поэзия и смерть, где имя Христа всеу помянуто...»⁷

Но первый отклик на «Двенадцать» был дан Зайцевым не в мемуарно-критической, а в художественной форме: это эссе «Уединение», опубликованное в 1922 г. Стихии ночи и ветра пронизывают оба произведения. В эссе очевидны реминисценции, образы,

⁴ РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 2. Ед. хр. 31. Почтовая карточка с адресом: «Здесь, Галерная, 41, кв. 4. Александру Александровичу Блоку». Публикуется впервые.

⁵ Подробнее о деятельности Б. Зайцева в «Шиповнике» см.: Ромайкина Ю. С. Литературно-художественный альманах издательства «Шиповник» (1907—1917): тип издания, интегрирующий контекст: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2016.

⁶ Републ. в кн.: Зайцев Б. К. Отблески Вечного: Неизвестные рассказы, эссе, воспоминания, интервью / сост. А. М. Любомудров. СПб., 2018. С. 369—374.

⁷ Зайцев Б. К. Побежденный. С. 165.

идейно-художественные доминанты блоковской поэмы (начиная с экспозиции: «Грохот и ветер. Пыль рушащегося»). Но автор polemизирует с блоковским творением. Мрачной стихии, проснувшейся в народе, хаосу и разрушительным энергиям противопоставлены вечная мировая гармония, явленная в дуновении ветерка и стихах Петрарки, в тихих возгласах священника. «Мир креста», начала любви и света вовсе не исчезли из этого мира⁸. Заканчивается эссе словами об умиротворенных пейзажах Италии, воспетых поэтами, — параллелью к ним станет финал очерка «Побежденный», где Зайцев сожалеет, что Блок не увидел «светлый Божий мир»: «Дать бы глазам вашим, замученным туманами, болотами, снегами, войнами и бойнями, — взглянуть в голубоватые дали Прованса, светом и благоуханием смолистым вам омыть бы душу, как омыл лицо росой Чистилища при выходе из Ада Данте, — и вы вспомнили бы о Прекрасной Даме, вырвали б, раз навсегда, слова кощунственные. Вы бы дышали Истиной, она бы оживила вас»⁹.

В контексте очерка о Блоке обретает особое значение дата его завершения, поставленная Зайцевым: «Пасха 1925 г.». Искупительная жертва Спасителя, радость Воскресения, сознание метафизической победы над смертью — этого душа Блока не смогла, к несчастью, принять и оказалась «побежденной» мраком. Одним из оснований для зайцевских оценок и поэмы в целом, и ее финального образа послужил сделанный поэтом набросок пьесы из жизни Иисуса. Зайцев рассматривает его как текст «величайшей важности для понимания Блока»¹⁰. Имеется в виду публикация в литературно-художественном журнале «Русский современник» (1924. № 3), где были напечатаны наброски и заметки Блока, в том числе запись из дневника от 7 января 1918 г. с планом пьесы об Иисусе. Христос предстал в них не Богом, но «грешным Иисусом», «художником», который «всё получает от народа». Среди авторских ремарок: «Дурак Симон с отвисшей губой»; «апостолы воровали для Иисуса» (VII, 316—317) и т. п. «Я говорил уже, что настоящий Христос вовсе не сходил в поэму. А теперь видно, какого Христа Блок пристегнул к своему писанью», — комментирует Зайцев эти запи-

⁸ Подробнее см.: Любомудров А. М. «Показать бы вам светлый Божий мир...» (Полемический отклик Б. Зайцева на «Двенадцать» А. Блока) // История и культура: Актуальные проблемы: Сб. статей в честь 70-летия проф. Ю. К. Руденко. СПб., 2005. С. 205—212.

⁹ Зайцев Б. К. Побежденный. С. 169.

¹⁰ Там же. С. 168.

си в очерке «Побежденный»¹¹. Они, по-видимому, настолько впечатлили мемуариста, что спустя 28 лет в очерке «Соловьев нашей юности» (Русская мысль. 1953. 27 февраля), упомянув Блока и его поэму, он сделал ремарку: «О его записях касательно Спасителя и апостолов лучше и не вспоминать»¹².

Почитателям Блока очерк Зайцева пришелся не по душе — об этом свидетельствует его запись из дневникового цикла «Странник» от 10 октября 1925 г.: «Из отзывов на мою статью о Блоке („Побежденный“) усматриваю, будто моя собственная поза получается в роде „победившего“. Будто бы я „сужу“. Это неверно, если так кажется, значит, я нехорошо написал, а я никого судить не могу. Что Блока-то „победили“, в этом я уверен, и не могу сказать, что он победил, но хотел я это сказать с горечью и братским сожалением, а не с покровительственной снисходительностью, как „первый ученик“ пожалел бы провалившегося последнего. Нет, когда писал, чувствовал только правду. А гордыни здесь не было»¹³.

Сходны ощущения от поэзии Блока и в последующих эссе и заметках Зайцева. Так, в очерке «Молодость — Россия» (1951) он писал: «...Россия (и литература ее) и неслась вперед, и было в ней нечто уже обреченное. На самых верхах культуры ее Блок, может быть, выражал уже роковую трещину <...> Во всяком случае, Блока вспоминаю со щемящею грустью...»¹⁴

Ощущение «щемящей грусти» от личности Блока, предчувствие роковой обреченности России стали идейно-эмоциональными доминантами и в публикуемом рассказе «Вечер Блока».

Несмотря на выход в современной России двух собраний сочинений и целого ряда сборников произведений Бориса Зайцева, множество текстов, печатавшихся в периодике русского зарубежья на протяжении полувека, остаются не переизданными и потому неизвестными исследователям и читателям.

В нью-йоркской газете «Новое русское слово», в номере от 1 мая 1977 г., был напечатан рассказ Зайцева «Вечер Блока». С этой газетой писатель сотрудничал начиная с 1950-х гг. После кончины писателя в течение 1972—1977 гг. в ней републиковались его очерки и заметки: отрывки из книги «Москва» и романа «Голубая звезда», очерк о М. Цветаевой, эссе «Двенадцать Евангелий». Но рас-

---

¹¹ Там же.

¹² Зайцев Б. К. Собр. соч.: в 11 т. Т. 9. С. 319.

¹³ Там же. С. 47.

¹⁴ Там же. С. 14.

сказ «Вечер Блока» был напечатан здесь впервые, причем без каких-либо комментариев редакции. Другие публикации этого текста неизвестны. Скорее всего, он был извлечен из архива писателя.

Текст, начинающийся без привычной экспозиции, может показаться наброском главы более крупного произведения. Однако для Зайцева весьма характерны рассказы подобного рода, напоминающие фрагменты, но в действительности вполне самостоятельные. «Вечер Блока» некоторыми особенностями близок роману «Золотой узор» (1925): в обоих присутствует автобиографичность, близко к реальности переданы многие обстоятельства жизни писателя и его семьи, в описаниях героев (в рассказе это Александр, в романе — Маркел) отчетливо проступают черты самого автора, в рассказчице (в романе — Наталия) узнается его супруга Вера Алексеевна. Только в этих произведениях Зайцева повествование ведется от лица героини. Есть в них и общий персонаж — друг семьи доктор Блюм.

Лишь в заключительном абзаце становится понятно, что весь текст представляет собой воспоминания о давних временах из жизни женщины, волею судеб оказавшейся в «мировой столице», Париже, в полном одиночестве, потерявшей близких, в том числе мужа. Зайцев передал ей собственные мысли и чувства: в действительности он пережил свою супругу на семь лет. Думается, рассказ явился даром признательной памяти Вере Алексеевне Зайцевой. Учитывая, что она скончалась в 1965 г., можно датировать это произведение 1965—1972 гг.

Обозначим события, легшие в его основу. В мае 1920-го и в мае 1921 г. Блок приезжал в Москву, где читал свои стихи на различных площадках. В рассказе отражен вечер в Большой аудитории Политехнического музея 9 мая 1920 г., на котором присутствовали Зайцевы. Московские выступления Блока описаны в ряде воспоминаний. В частности, о данном вечере Н. А. Нолле-Коган пишет: «В этот день произошел взрыв на артиллерийских складах, расположенных на Ходынском поле. <...> На улицах царило необычайное оживление, но с примесью какой-то тревоги. Прошли Арбат, вышли на Воздвиженку. Чем ближе к Политехническому музею, тем народу все больше и больше. Около музея давка, все билеты распроданы, а желающих попасть неисчислимое количество. Пробиваемся в лекторскую. Там Александра Александровича и Петра Семеновича <Когана. — А. Л.> тотчас же окружили, а я вышла взглянуть на аудиторию...»¹⁵

¹⁵ Нолле-Коган Н. А. Из воспоминаний // Александр Блок: Pro et contra: Личность и творчество Александра Блока в критике и мемуарах современников: антология / сост., вступ. ст., примеч. Н. Ю. Грякаловой. СПб., 2004. С. 517—519.

Нервную, наэлектризованную атмосферу чтений воссоздала М. Цветаева: под впечатлением от вечера она написала стихотворение «Блоку», начинающееся строками «Как слабый луч сквозь черный морок адов — / Так голос твой под рокот рвущихся снарядов», к которым сделала примечание: «Достоверно: под звуки взрывов с Ходынки и стекольный дождь, под к<отор>ым шли — он на эстраду, мы — в зал. Но, помимо этой достоверности — под рокот рвущихся снарядов Революции»¹⁶. Цветаева увидела в бытовом факте символический смысл, присутствует он и в рассказе Зайцева.

Представляет интерес эпизод, когда Блок отказывается прочитать «Двенадцать». Этот факт отмечен и в очерке «Побежденный»: «Весной 1920 года приезжал Блок в Москву. Под аккомпанемент взрывов на артиллерийских складах он читал стихи в Политехническом музее. Но „Двенадцати“ не прочел. Был очень мрачен, на вопрос моей жены ответил: „Я больше этой вещи не читаю“»¹⁷. Те же слова звучат и в рассказе: «Я никогда больше ее не читаю», — говорит Блок. Другие мемуаристы также свидетельствовали о том, что Блок никогда не читал публично это произведение, но в них присутствует и мотивировка отказа. «У меня не выходит...» — признавался Блок К. Чуковскому¹⁸. С. Алянский вспоминал: «Мою просьбу прочитать поэму вслух Александр Александрович отклонил. Он сказал, что ни разу вслух „Двенадцать“ не читал и прочитать не сумеет. Поэтому читает его жена — Любовь Дмитриевна, она актриса»¹⁹. А. Эфрон в мемуарной заметке «Вечер Блока» передает его реплику в такой форме: «Я... я не умею читать „Двенадцать“»²⁰.

В публикуемом рассказе Б. Зайцева предстает образ поэта надломленного, бесконечно уставшего от жизни, клонящегося к своему закату. Однако в равной мере этот текст являет импрессионистическую картину заката эпохи, гибели старой России, которую ощутил — и не смог пережить — гениальный поэт. В тютчевском эпиграфе задан психоэмоциональный камертон: «огневые зарницы», «демоны глухонемые»... Звуки и краски: грохот отдаленных взрывов, дребезг бьющихся стекол, сполохи в небе — передают атмосферу наэлектризованности и тревоги, достигающих кульминации во время чтения Блока: «... нечто от магического наважде-

¹⁶ Цветаева М. И. Стихотворения и поэмы / сост. Е. Б. Коркина. Л., 1990. С. 180. (8-ка поэта. Большая сер.).

¹⁷ Зайцев Б. К. Побежденный. С. 165—166.

¹⁸ ЛН. М., 1981. Т. 92, кн. 2. С. 270.

¹⁹ Алянский С. М. Встречи с Блоком // Новый мир. 1967. № 6. С. 167.

²⁰ Эфрон А. С. О Марине Цветаевой: Воспоминания дочери. М., 1989. С. 88.

ния в этих стихах было. Меня тоже они пронзали. И минутами мне вообще все представлялось фантастическим — наша жизнь, то ужасное, что с нею произошло, этот скорбный, полумертвый человек, произносящий свои колдовские слова, дальняя бомбардировка, грозно ему вторящая...» В заключительных строках этот московский и, можно сказать, российский вечер прямо назван «зловещим».

Название рассказа многозначно и рождает символический смысл: это не только творческий вечер, не только вечер дня, но и драматическое завершение жизни Блока. Одновременно это и конец исторической России, погружающейся в хаос и мрак.

В читательский оборот вводится еще один маленький шедевр «поэта прозы», как называли Зайцева современники. В его строках проступает филигранное мастерство художника, запечатлевшего образ русского поэта и атмосферу эпохи.

Текст печатается по первой публикации: Новое русское слово (Нью-Йорк). 1977. 1 мая, № [24245]. С. 5. (В газете номер указан с ошибкой: 23245).

Вечер Блока

И лишь зарницы огневые,
Воспламеняясь чередой,
Как демоны глухонемые,
Ведут беседу меж собой.
Тютчев¹

Ольга Андреевна, мать Александра, жила еще у себя в деревне, недалеко от Москвы. Мы иногда к ней ездили... — с какими мучениями! Выхлопывали пропуска, мокли часами перед вокзалом под дождем, во тьме вваливались в вагон с выбитыми стеклами. Что вспоминать! Кто революцию видел, сам знает. Не видевшие — не поймут.

Мы много жили в этой деревне и в мирное время. Бывало мне там хорошо, бывало и плохо. Но тогда вся жизнь вокруг была одного духа, а теперь странными казались книги Александра во флигеле. Петрарка, Уго Фосколо, Вентури. Библиотеку хотели однажды отобрать, да раздумали. И правда, на что «им» книги по итальянскому искусству, итальянские поэты?

Александр уезжал иногда к матери недели на две. Ему нравилось одиночество. Из университетской библиотеки набирал тоже книг, хотелось написать о Елизавете Урбинской и вообще об урбинском дворе².

Он и теперь один уехал. А я осталась в Москве. Жила, как обычно в то время: мечтала о загранице, ходила по очередям, за пайками (мы получали академический), варила пшенку на примусе, навещала друзей — и меня навещали.

В тот весенний вечер я сидела на балконе у доктора Блюма³. Рядом, в столовой, красавица его жена разливала чай — были печенье и варенье, торт — блюмовская квартира и жизнь не поддались разрушению. Да и сам Блюм по-прежнему красив — темные глаза, великолепные седеющие волосы, ласковость с женщинами: модный и даже любимый Москвою врач.

— А знаете, — сказал он, выйдя на балкон, — ведь сегодня в Политехническом читает Блок. Мы собираемся. Идем вместе?

Блюм — интеллигент, любит, разумеется, музыку, современен, за всем следит и все знает. Как же ему без Блока?

Я Блока тоже давно знала, лично, он и с Александром моим в добрых отношениях. Отчего не пойти?

— Будет читать «Двенадцать», — объявил Блюм таким тоном, что теперь уж нельзя отказаться. Такая модная и прославленная вещь!

Мне она не особенно нравилась. Именно ею меня трудно было прельстить. Все же решения своего я не изменила. И когда гости разошлись, мы втроем отправились — Блюм, его жена и я.

* * *

От Большого Афанасьевского, у Арбата, до Политехнического музея не так далеко. Мы шли пешком. Какие в Москве бывают вечера! Как блестели купола в Кремле, как нежно зеленели вербы в саду Архива Иностранных Дел, на углу Воздвиженки! Блюм разговаривал, я помалкивала. Люблю Воздвиженку, Моховую, много воспоминаний с этими местами связано. Нынче мне стало что-то грустно. Сколько мы тут гуляли с Александром в первое время нашего романа!

Мы подходили к Политехническому, когда вдали бухнул выстрел. Так мне, по крайней мере, показалось: выстрел из тяжелого орудия. За ним другой. Мы и не очень удивились — революция, что уж тут. Может быть, кто-нибудь кого-нибудь взорвал, удивляться не приходится.

Народу на Блока собралось много. Главнейше барышни. Меня это тоже не удивило.

Я прошла к нему в артистическую. Канонада все продолжалась, то громче, то тише.

Блок стоял у стены, заложив руки за спину, разговаривал с кем-то — высокий, со слегка вьющимися волосами, красивыми водяными глазами, лбом высоким. Я давно его не видела. Он очень изменился. Поразил нездоровый цвет его лица, мертвенность холмоноватых глаз.

Увидев меня, он слегка улыбнулся, отделился от стены и поздоровался. Ахнул еще выстрел, особенно громкий, потом еще и еще.

Он обернулся с удивлением:

— Что же это такое?

Смеркалось. В небе, сквозь окно, что-то полыхало и вздрагивало. Опять прокатился гул, как бы от меньших взрывов.

Литераторы, барышни-поклонницы засуетились.

— Это взрываются артиллерийские склады, — сказал кто-то. — Ну, ничего, под Москвой. Александру Александровичу будет отличный аккомпанемент.

Блок устало, горестно смотрел на меня. Ему будто было все равно.

— А ваш муж?

— Мой Александр в деревне.

— Да, мы тезки...

— Вы сегодня будете читать «Двенадцать»?

Что-то изменилось будто в его неподвижном лице.

Блок медленно посмотрел на меня.

— Вы меня презираете за эту вещь? — сказал он тоже медленно, глуховатым, с носовым оттенком голосом.

— Нет, почему же...

— А я думал...

— Правду сказать, не особенно люблю. Ваши другие вещи ближе.

Он помолчал. Потом сказал сумрачно:

— Я и сам ее разлюбил. Я не люблю ее, — повторил почти упрямо. — Я никогда больше ее не читаю.

Нас прервали. Пора было начинать.

— Ну, желаю вам успеха. Жаль, что нет Александра.

Блок поклонился, просил передать ему привет.

* * *

Уж не мечтал о нежности, о славе,
Все миновалось, молодость прошла.
Твое лицо, в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола...⁴

— наверно, так. И оттого щемит сердце...

Блок читал хорошо. Стоял высокий, мрачный, прислонившись опять к стене, скрестив назади руки. Как безнадежны были его пустые глаза! Я сидела недалеко — Блюм взял дорогие места — и все смотрела на Блока, все смотрела...

Блюм восторженно аплодировал. И девицы, те же, что сиживали у подножия Игоря Северянина, тоже восторженно аплодировали. Блоковский голос, глухой, носовой, раздавался как погребальный звон. И не одни аплодисменты вторили ему. То сильнее, то тише, в виде жуткого оркестра, грохотало за Москвой. Бывали паузы, а зато потом взрывы неслись наперегонки, и на фразе: «твой узорный, твой цветной рукав»⁵ вдруг жалобно задрожали стекла — вот-вот из старого мирного музея вылетят они совсем. Блок приостановился. В аудитории стихло. И в тишине этой, готовой вновь прорваться грохотом, раздались одурманивающие стихи.

— Гени-яль-но! — шептал Блюм, проводя рукой по серебряной шевелюре. — Совершенно гени-яль-но!

Слово он употребил сильное.

Но, конечно, нечто от магического наваждения в этих стихах было. Меня тоже они пронзали. И минутами мне вообще все представлялось фантастическим — наша жизнь, то ужасное, что с нею произошло, этот скорбный, полумертвый человек, произносящий свои колдовские слова, дальняя бомбардировка, грозно ему вторящая... Где сейчас мой Александр? На островке деревенском, среди книг, речей Кастильоне, стихов Рембо... Мне хотелось бы, чтобы сейчас был он тут, чтобы я могла прислониться к нему, как всю жизнь мы прошли друг с другом, иногда в счастье, иногда мучаясь и страдая, но неразлучимые. А вот сейчас как-то стало мне страшно.

...Я даже рада была, когда вечер кончился. Нечто сильное, но и тяжкое меня давило. Барышни и молодые люди Блока без конца вызывали. Требовали «Двенадцать». Он выходил усталый, мрачно кланялся. «Двенадцати» не прочел.

Взрывы прекратились. Толпа разбрелась медленно, путано. Где-то внизу, на повороте лестницы я столкнулась с Блоком. Он был в мягкой большой шляпе, беспомощно нес букет.

— Bravo, Александр Александрович. Мы сегодня в вашей власти. Уж такой вы гипнотический человек.

Он взглянул на меня сумрачно.

— Гипнотический... Может быть. Но мне это неинтересно. Я просто больной человек.

Уже на улице, окруженный молодежью, он вдруг сказал мне:

— Вы заметили, что я не читал «Двенадцати»? А ведь обстановка была самая подходящая.

Потом несколько приблизил ко мне лицо и совсем тихо добавил:

— Верьте, все очень плохо. И что нынче было — не напрасно. В высшей степени плохо.

* * *

Мы возвращались домой втроем. Было темно, звезды мило мигали над Москвой, иногда их заволакивало тучей, неизвестно откуда и куда идущей. Блюм продолжал восхищаться Блоком. Потом рассказал, что склады взорвали левые эсеры. (Ему кто-то сообщил. Он всегда все знал «из достоверных источников».)

Меня это не заинтересовало. Левые эсеры или правые, мне все равно. Одни других взрывают, о чем говорить.

— Очень жаль, — говорил Блюм, — что Блок не прочитал нынче «Двенадцати». Он так чувствует музыку революции. Это очень бы подходило. Замечательно Блок читает, и такие фейерверки... Он несомненный глашатай разрушения старого мира, хотя и сам им порожден.

Все это я много раз слышала. Разговаривать не хотелось. Блюмовы слова доносились до меня, как музыка скучная — и отскакивали. Не могли нарушить таинственности, необычайности московской ночи.

Я особенно это ощутила, когда поднялась к себе на четвертый этаж. Спать не хотелось. Вышла на балкон. Смотрела на родную Москву, на церковку внизу, так мне знакомую. «И что нынче было — не напрасно», — сказал Блок. Да.

Тихо было в городе. В стороне артиллерийских складов чудилось слабое зарево. Может быть, догорало что-нибудь?

А там, где стояла туча, гораздо левее, мелькали, вспыхивали в ней легкие молнии. Зарницы! То, что я всегда любила в деревне.

И теперь так же сверкают они в окне флигеля, где сидит Александр. Да, конечно, он главное мое прибежище...

* * *

Александр приехал на другой день к вечеру. Неожиданно для меня. Сказал, что соскучился в деревне и что стали осаждать его дурные мысли. Я притворно его укоряла, что он мало отдохнул от города. А сама была рада. Без него мне вообще невесело. Теперь же и особенно.

Блока более я и не видела. Александр тоже. Блок скоро уехал в Петербург, через год там и умер, а революция со своей музыкой преуспевала без него. И когда теперь в одиночестве мировой столицы вспоминаю я тот вечер, сколь зловещим он мне кажется! Я сама себе кажусь иной — осколок, залетевший Бог знает куда от взрыва... Да и от вечера того лишь одна я еще жива — ни Блока, и ни Блюма, ни его жены нет больше в грозном нашем мире. Самое же страшное для меня: и Александра нет. Я здесь совсем одна.

¹ Из стихотворения Ф. И. Тютчева «Ночное небо так угрюмо...» (1865). У Тютчева: «Одни зарницы огневые».

² Б. Зайцев вспоминал: «Некогда, увлекаясь Урбино и жизнью его высокопрощенного двора, собирался я даже написать нечто из того времени, вроде повести — о не подходившем к эпохе, незадачливом и безответном Гвидобальдо, о жене его, Елизавете Гонзага, родной сестре лохматого пса Франческо — тоже ничего общего не имевшей с братом, тоже болезненной и очаровательной, образованнейшей и утонченной герцогини Елизаветы, нежной подруги Изабеллы д'Эсте. Повесть не написалась, но в воздухе Урбино жил я довольно долго, находясь в глуши Тульской губернии. Во время революции» (Зайцев Б. К. Собр. соч. : в 11 т. Т. 6. С. 280).

³ У персонажа по имени Блюм, скорее всего, существовал прототип, который еще предстоит установить. Однако литературные образы его в романе «Золотой узор» и в «Вечере Блока» различны: в романе с приходом к власти большевиков и гибелью Андрея (его прототип — сын В. А. Зайцевой от первого брака Алексей Смирнов, расстрелянный в 1919 г.) главные герои оказываются в непримиримой оппозиции к новому порядку, в то время как доктор Блюм приспосабливается к обстоятельствам и становится кремлевским врачом. Наталия считает, что он тоже ответственен за кровь убитых. Их пути расходятся («Пускай и радуются, торжествуют. Я им не уступлю. Пусть успокаиваются, обрастают жиром и благополучием на крови Андрюши, Георгиевского... я не поклонюсь», — замечает она,

встретив Блюма в обществе комиссара) (*Зайцев Б. К. Собр. соч. : в 11 т. Т. 3. С. 196*). В рассказе «Вечер Блока» (время действие которого — весна 1920 г.) Блюм и его супруга — друзья героев повествования, к ним в гости приходит жена писателя. Здесь Блюм, изображенный с легкой иронией, — популярный в Москве (но отнюдь не в Кремле) доктор, «интеллигент, любит, разумеется, музыку, современен, за всем следит и все знает». Можно предположить, что фамилия Блюм вымышленная, как и имена прочих персонажей и романа, и рассказа. Однако в строго документальных воспоминаниях «„Мы, военные“. Записки шляпы» (1932) Зайцев, повествуя о юнкерском периоде своей жизни, вновь называет это имя. На встрече нового, 1917 года у друзей присутствует «доктор Блюм»: «бодрый, веселый, все и всех знающий», он самоуверенно разглагольствует о близкой победе над Германией (*Зайцев Б. К. Собр. соч. : в 11 т. Т. 6. С. 96*).

⁴ Из стихотворения Блока «О доблестях, о подвигах, о славе...» (1908). У Блока: «Уж не мечтать о нежности, о славе».

⁵ Из стихотворения Блока «Осенняя воля» («Выхожу я в путь, открытый взорам...», 1905).